

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ КОММУНИКАТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ В IV КНИГЕ «ЭНЕИДЫ» ВЕРГИЛИЯ

В глубокой древности воздействие на человеческое сознание в качестве одной из форм коммуникативной деятельности осуществлялось слитно как сакральным, так и секулярным ресурсами [2, с.5]. Формирующиеся в процессе культурного развития коммуникативная культура личности и её этические установки по-разному определяют коммуникативную деятельность каждого конкретного индивида, находящегося в конкретной коммуникативной ситуации. Это находит широкое отражение в религиозной, философской, художественной литературе народов мира. Вопрос о том, какой должна быть программа речевых действий, чтобы коммуникация была успешной, издавна волновал ещё античных философов и риториков (Платон, Аристотель, Горгий, Лисий и пр.). Данная проблема и сегодня по-прежнему находится в центре внимания исследователей. Выбор коммуникативных стратегий, которые реализуют прагматическую установку говорящего, определяется выработанными им индивидуальной коммуникативной культурой, речевым поведением и этическими установками: «Субъект коммуникации одновременно является субъектом морали. Нравственные принципы человека обязательно реализуются в его деятельности, в том числе коммуникативной» [1].

Данное положение коррелирует с одним из основных тезисов античных софистов, согласно которому личностно ориентированная риторическая программа обуславливается самим говорящим, его этическими и мировоззренческими установками. В связи с этим важным звеном в исследовании коммуникативных стратегий является анализ античного дискурса, поскольку новейшие изыскания, оригинальнейшие современные технологии воздействия на сознание на поверку оказываются преломлёнными через призму современности античными идеями.

Цель данного исследования – рассмотреть характер и реализацию коммуникативных стратегий в латинской художественно-речевой традиции на примере IV книги «Энеиды» Вергилия. Художественная (виртуальная) коммуникация (текст) является слепком реальной коммуникации и реального поведения человека. [3].

Образ Энея по-разному трактуется в макроконтексте европейской культуры и не имеет однозначной оценки. В то же время образ Дидоны исследователи почти единодушно называют самым драматическим образом римской литературы, поведение Дидоны – характерным поведением покинутой женщины [10, р. 69.], а «Энеиду» – поэмой именно о Дидоне и единственной римской трагедией [12, р.129]. Анализ текстового материала в аспекте коммуникативных стратегий позволит не только обрисовать специфические особенности речевого поведения Энея и Дидоны, но и представить их психологические портреты.

В современной научной литературе термин *коммуникативная стратегия* имеет множество интерпретаций. В данной работе под коммуникативной стратегией мы понимаем определённую программу речевых действий, которую говорящий избирает в соответствии со своими прагматическими установками. [3].

Определяющими при выборе коммуникативных стратегий со времён античных софистов и до сего дня остаются именно нравственные ориентиры и мировоззренческие ценности индивида. Современные исследователи выделяют коммуникативные стратегии кооперативные и некооперативные. Кооперативные стратегии исключают авторитарную модель и основываются на этических нормах. В основе некооперативных стратегий лежит авторитарная модель, желание инициатора общения доминировать и создавать свою иерархию в системе социальных отношений. А. К. Михальская называет представителей такой модели поведения носителями культуры монолога. Им присущ гипертрофированный эгоцентризм, неприятие всего того, что не соответствует их собственным стандартам, и т. п.

Итак, рассмотрим систему коммуникативных стратегий в тексте IV книги «Энеиды» Вергилия на примере речей Энея и Дидоны. В книге IV «Энеиды» расставание Дидоны и Энея Вергилий изображает в драматической форме. Три речи следуют одна за другой: **речь Дидоны**, которую она произносит после того, как случайно ("Fama" – из-за слухов и шума) узнает о приготовлениях Энея и о его намерении оставить Карфаген и отплыть в Италию (305-330); **ответ Энея**, который отклоняет упреки Дидоны и оправдывает свой отъезд (333-360) [6,с.141], наконец, быстрый **ответ Дидоны**, которая кричит и в отчаянии проклинает своего бывшего возлюбленного (365-387) [6,с.142] Но в самом начале книги IV поэт, предваряя драматический диалог, привлекает сакральный ресурс, мотивирующий поступки и речи героя, и рассказывает о решении Юпитера положить конец пребыванию Энея в Карфагене. Юпитер послал Меркурия к Энею с этим известием. Реакция Энея была незамедлительной и решительной (281-282) [6,с.138]

Единственное, что вызвало тревогу и обеспокоенность Энея, – как сообщить разъярённой царице (283: "Furentem») о своей необходимости немедленно покинуть Карфаген; какие слова найти, чтобы сообщить ей об этом. Здесь Вергилий опирается на секулярный ресурс.

Поэт описывает не только непосредственную ситуацию, в которой Эней должен говорить с Дидоной, но также то, как герой заранее обдумывает свою речь: трудности, которые он хорошо понимает, и реальную оценку ситуации – где ему взять отваги и с чего начать. Эней обдумывает всевозможные варианты объяснения с Дидоной. Но затем решает ничего не говорить тотчас, а ждать благоприятного момента (293-294) [6,с.139]

Однако суэта, шум (298: «*impria Fama*» – досл. *слухи*) сообщают Дидоне о том, что задумал Эней без её ведома. Разъярённая Дидона немедленно требует у Энея объяснения (300-303) [6,с.139]

Анализ речей. Первая речь Дидоны начинается *ex abrupto* (без предварительной подготовки, внезапно).

В первой части («*ab aduersarii persona*», «от третьего лица» *moritura Dido*) Дидона обвиняет Энея в *dissimulatio* (лицемерии, скрытности), *perfidia* (вероломстве), и *nefas* (кошунстве). Во второй части она обвиняет уже «*a sua persona*», «от себя самой», в том, что он забыл их любовь, свои обязательства, напоминает о том, сколько она сделала для него хорошего. Главная часть речи Дидоны – это попытка отговорить Энея от намерения покинуть Карфаген. Сначала она размышляет об опасности навигации зимой (309-313), затем умоляет Энея изменить решение и пытается склонить его на свою сторону, напоминая ему их прошлое (их брак, её заслуги по отношению к нему). Она просит иметь к ней сочувствие, не оставлять её врагам, подумать о её чести – *rudor* ("стыд есть честь") – и её репутации "*fama*". Наконец, она неистово кричит, что если бы у неё был ребенок, она бы не чувствовала бы себя такой покинутой (330) [6,с.140]. В данном текстовом фрагменте употребление *paruulus*, прилагательного с уменьшительным суффиксом, можно рассматривать как маркер изменения тональности. Речь Дидоны от обвинительно-обличительной в начале превращается в умоляюще-жалобную. Уговаривая Энея отказаться от его намерений, Дидона приводит целый ряд разумных, на её взгляд, доводов в пользу того, чтобы Эней остался в Карфагене.

Речь Энея. Далее следует ответ Энея, но прежде Вергилий описывает реакцию своего героя на страстную речь Дидоны. Эней внимательно смотрит на Дидону, слушает её, но думает о предостережении Юпитера и пытается подавить в своём сердце печаль (332: «*obnixus curam sub corde premebat*») [6,с.141]. Здесь следует обратить внимание на то, что значение латинского слова *cura* может трактоваться амбивалентно: любовная тоска или тревога, боль в целом. Если *cura* воспринимать как синоним любви, то эти строчки однозначно свидетельствуют о любви Энея к Дидоне. К тому же эта строка созвучна с (395) строкой «*multa gemens magnoque animum labefactus amore*» («хотя от любви изнывает бедный») [6,с.144]. Употребление слова *cura* Вергилием очень точно отражает амбивалентность отношения Энея к Дидоне. На любовные переживания Энея и на его сложное психологическое состояние указывает также коннотативное значение глагола *premebat*, который употреблен в Imperfectum (дословно: «С трудом он пытался задушить муку в глубине сердца»). После долгого молчания (на что указывает наречие «*tandem*» – «наконец»), с которого и начинается 333 строка [6,с.141], Эней отвечает Дидоне кратко. Его ответ отличается от речи Дидоны: Эней отстаивает своё намерение оставить Карфаген и перечисляет причины, по которым не может отказаться от своего замысла. Во вступительной части он выражает уважение к своей собеседнице: говорит,

что вполне осознаёт, сколько она сделала для него, и понимает уровень её заслуг по отношению к нему, а также обещает не забывать её никогда. Это вступление должно успокоить Дидону. Тон очень вежливый, но в то же время Эней устанавливает дистанцию и ясно демонстрирует, какую роль он теперь собирается для себя выбрать: сначала он называет Дидону не по имени, а царицей (334: «*regina*»), восстанавливая между ними дистанцию и делая отсылку к её социальному статусу. Перечисляя её заслуги, Эней говорит об этом в прошедшем времени: *pro meritis* («у тебя были заслуги передо мной»), тем самым имея в виду, что их отношения не имеют будущего. Тон его безупречно вежливый, исключает любой намёк на фамильярность, по крайней мере, сейчас и в будущем – вождь обращается к царице. И лишь обращаясь ко второму имени Дидоны, называя Дидону Элиссой, Эней признаёт некоторую интимность их отношений в прошлом.

Следующая строка начинается словами «*pro re pauca loquar*» [6, с.141] (Я скажу несколько слов по сути дела, то есть чтобы оправдывать себя, я много говорить не буду). Употребление данного выражения свидетельствует о том, что ответ Энея Дидоне будет кратким. Краткость, с одной стороны, – черта человека, уверенного в себе, она не предполагает многословия и долгих объяснений; с другой стороны, – это и демонстрация, и залог искренности.

Итак, Эней защищается против обвинений, содержащихся в *suasoria* Дидоны: обвинение, что он хочет скрыть свой побег, и обвинение, что он нарушил брачные узы. Вождь напоминает царице, что не было никогда церемонии брака между ними и что он не пришел в Ливию с целью жениться на ней. Тон Энея сухой и уверенный, исключая какое-либо пространное обсуждение: речь идет о защите его репутации. Также стоит обратить внимание на корректные высказывания Энея: он не обвиняет Дидону в том, что она ошибается, он просто исправляет её утверждение и инсинуации, которые она делает в присущей ей авторитарной манере (338): «*ne, finge*», «не думай»). Слова *fingere*, *factum*, *-ere* (придумывать выдумывать, врать, сплетничать) выбор слова «*fingere*», а не «*invenire*») означает, что все детали обвинения являются вымышленными. В данном контексте Вергилий использует глагол *fingere*, но для другого контекста, в более нейтральном смысле, автор употребляет *excogitare*, *imaginari* – слова, нейтральные по значению, которые кажутся более уместными для императива [6, с.275, с.299, с.441]. В сдержанной манере, но в то же время ёмко и сильно, он пытается объяснить Дидоне, что она ошиблась, принимая их связь за брак. Эней перечисляет также три силы, которые делают твердым его намерение покинуть Карфаген в порядке возрастания значения: *pietas*, по отношению к отцу; *pietas* по отношению к своему сыну и главным образом, *pietas* по отношению к богам [6, с.142];.

Вывод краткий и снова категоричный: Эней настаивает, чтобы Дидона перестала мучить и его, и себя своими любовными стенаниями (*querela*). Её обвинениям, носящим частный характер, Эней противопоставляет принудительные причины, которые мотивируют его действия. Они не

определяются ни его, ни её желаниями, поэтому Эней просит Дидону не ставить под сомнение его выбор и не мучить их обоих жалобами.

Вторая речь Дидоны. Реакция распалённой («Ассенса») Дидоны однозначна: она обвиняет Энея в бесчувственности, в вероломстве, в жестокости (365-373) [6,с.142-143]она кричит о своем отчаянии, она проклинает своего возлюбленного и желает ему страшного наказания. Наконец, она сообщает, что собирается покончить жизнь самоубийством и будет следовать тенью за ним повсюду (384-386) [6,с.143]

Выводы. Таким образом, в трёх рассмотренных речах были представлены кооперативные коммуникативные стратегии Энея и некооперативные коммуникативные стратегии Дидоны. Эней делает попытку урегулировать конфликтную ситуацию «мирным путём». Его речь кратка, уважительна и нейтрально окрашена. Не имея возможности устранить свои разногласия с Дидоной, он пытается сгладить остроту противоречий. Апеллируя к социальному статусу Дидоны, Эней пытается избегать суждений и оценок, которые могли бы ущемить её женскую честь и достоинство. Эней старается свести к минимуму эмоциональную составляющую их разговора, чтобы не травмировать их обоих. Он пытается акцентировать внимание Дидоны на логичной аргументации, чтобы максимально ослабить её душевные страдания.

Однако Дидона, движимая своими эмоциями, не только не желает прислушаться к аргументам Энея, но пытается вызвать у него ответные эмоции то рассказами о его предательстве, то жалобами на своё одиночество и отсутствие ребенка. Чтобы не стать жертвой манипуляций Дидоны, Эней применяет метод, который в современной науке называется методом психологического отчуждения. [4]. Дистанцируясь от прежних любовных отношений с Дидоной посредством социального статуса (ты – царица, я – вождь, ты имеешь свои земли, своё царство, мне ещё всё это надо обрести), Эней смотрит на ситуацию как бы отстранённо, без эмоций, спокойно оценивая конфликт и рассуждая конструктивно (поэтому и ждёт подходящего момента, чтобы объявить Дидоне о своём решении и избежать её спонтанных эмоций). В речи Энея хоть и отражаются его внутриличностные противоречия, однако выбранная им коммуникативная стратегия, построенная на тактике заботы, тактике делового интереса, тактике аргументации, свидетельствует о возможности быстрого разрешения его внутренних противоречий. Коммуникативная стратегия, избранная Дидоной, реализуется посредством тактики навязывания обязательств, тактики выражения обиды, упреков, сарказма, свидетельствует о глубоком внутреннем неразрешимом конфликте в виде ноогенного невроза [5], спровоцированного духовными проблемами личности (личная драма Дидоны). К тому же, используя такие речевые техники, как драматизацию ситуации, акцентуацию внимания на фактах из прошлой жизни, воспоминание об оказанных услугах, Дидона тщетно пытается манипулировать Энеем,

заставляя его испытывать вину. Эней остаётся категоричен в своем решении, чем ещё больше распаляет негодующую царицу.

Но на вопрос, мог бы (хотя бы теоретически) данный конфликт разрешиться положительно, вряд ли возможно дать однозначный ответ.

Каждая эпоха создаёт свои оценки. Каждый критик подходит с мерками социально-психологических и коммуникативных моделей своего времени. В конце XVIII в. французский поэт и переводчик аббат Делиль признал, что «если любовник Дидоны и готов был её оставить, то он бы мог ей сказать об этом в выражениях мягких, его ответ должен был бы быть более любезным, с выражениями признания и сожаления» [8, р.124]. В начале XX в. профессор латинской поэзии Огюстен Карто смутился от «ледяного и очень оскорбительного тона» Энея и заметил: «Надо думать, что Вергилий, вкладывает в уста Энея этот печальный ответ по причине огромного непонимания, поскольку не чувствовал неуместности подобного тона, и возможно, автору не хватило изысканности и вкуса» [7, р. 319-320]. Жак Перре, наш современник, известный латинист, отмечает: «Не будем думать, что в таком положении Вергилий хотел заставить Энея произносить пустые банальности, одетые в правильные речи» [11, р. 1]. Те же замечания есть у Жильбера Хайета, известного американского латиниста XX в. В частности, учёный пишет о том, что Вергилий намеренно вложил в уста Энея неуместную речь, не уточняя её неуместности, но признавая её изысканность. [9, р. 75]. Различные и непохожие друг на друга размышления и оценки исследователей, относящихся к разным эпохам, подтверждают мысль о том, что выбор коммуникативных стратегий связан с коммуникативной культурой личности и зависит от этических установок, которые, в свою очередь, изменяются с развитием человеческого общества.

Однако вряд ли можно согласиться с тезисом о неуместности речи Энея, красной нитью проходящем во всех цитируемых высказываниях. Исходя из поставленных им самим перед собой целей, речь Энея вполне уместна, реализуемые им коммуникативные стратегии весьма успешны, и в иной ситуации они могли бы привести к желаемому результату, поскольку внутриличностные противоречия Энея легко разрешимы. Главная проблема Дидоны, нашедшая своё выражение в выборе и применении ею некооперативных стратегий коммуникации, на наш взгляд, на самом деле состоит прежде всего в неразрешимом внутреннем личностном конфликте, который был спровоцирован не конкретной стрессовой ситуацией (необходимостью для Энея покинуть Карфаген), а душевным надломом царицы, продолжающей оставаться при этом обычной женщиной, нуждающейся в поддержке. Этот надлом произошёл ещё задолго до знакомства с Энеем и её переселения в Карфаген, что привело к потере Дидоной смысла жизни и экзистенциальному вакууму. Лишь при отсутствии этого неразрешимого внутреннего конфликта Дидона могла бы принять аргументацию Энея, отпустив его и благословив на подвиги, что доказывает: применение кооперативных стратегий в диалоге далеко не всегда приводит к

успеху, поскольку кооперация в диалоге предполагает не столько односторонние шаги и действия одного из участников, сколько взаимодействие. Разработанные учёными стратегии вовсе не являются панацеей при отсутствии понимания.

Литература

1. Ворожбитова А. Лингвориторическая организация психолого-прагматического дискурса <https://books.google.com.ua/books>. [10.09.2016].
2. Слухай Н.В. Суггестия и коммуникация: лингвистическое программирование поведения человека. ИПЦ «Киевский университет», Киев 2012.
3. Снитко Е. С. <http://uapryal.com.ua/scientific-section/snitko-e-s-kommunikativnaya-strategiya> [10.09.2016].
4. Психологический словарь.
http://www.psychologist.ru/dictionary_of_terms/index.htm?id=46 [10.09.2016].
5. Франкл Виктор. Теория и терапия неврозов.
http://www.krotov.info/lib_sec/21_f/fra/nkl_02.htm [10.09.2016].
6. Энеида Вергилия. Полное издание в одном томе с введением и комментарием Д.И. Нагурского. Казань, 1891.
7. Cartault. L'art de Virgile dans L'Eneide, Paris, 1926.
8. J. Delille (trad.), L'Énéide t. 2, Paris, 1804.
9. G. Highet, The speeches in Vergil's Aeneid, Princeton NJ, 1972.
10. Monti R. C. The Dido Episode and the Aeneid. Leiden, 1981.
11. J. Perret éd., Virgile, L'Énéide, livres I-IV, Paris, Les Belles Lettres, C.U.F., 2e éd. 1999.
12. Poschl V. Die Dichtkunst Virgils. Wien, 1964